

18+ Александр Чернов

A close-up portrait of a woman with light brown hair and green eyes, wearing a white lace wedding veil and a multi-strand diamond necklace. She is holding a silver handgun in her right hand, which is adorned with several rings. The background is blurred, showing hints of a wedding setting.

Чужая
свадьба

Александр Чернов

Чужая свадьба

<https://litres.ru/74281568>

ISBN 9785007070843

Аннотация

Пока сотрудники ювелирного магазина гуляли на свадьбе коллеги, магазин был ограблен, а охранник убит. Взяли все самое ценное, и расследовавшие это преступление майор Хвостов и лейтенант Селиванов сразу догадались, что провернул дельце кто-то из своих, превосходно разбирающийся в брюликах. Стали выяснять, кто ж такой ушлый, но у всех сотрудников магазина алиби — все были на свадьбе. Возможно дело так бы и осталось висяком, если бы не наблюдательность Селиванова. Он-то и расколол преступника...

Содержание

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОВ	5
ГЛАВА 1	24
ГЛАВА 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Чужая свадьба

Александр Чернов

© Александр Чернов, 2026

ISBN 978-5-0070-7084-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОВ

ЧУЖАЯ СВАДЬБА

ПРОЛОГ

Бомж Васька — худой выше среднего роста тридцатитрех-летний мужчина. Впрочем, какой уж там мужчина? Этим гордым именем его давно не называли. Бомж он и есть бомж. Таких, как он, нередко можно встретить в лабиринтах большого города. Дранный пиджачишко, под стать ему свитерок, из того же комплекта брюки; на босу ногу ботинки с обрывками шнурков. Голова немытая, нестриженная, нечесаная. На впалых щеках щетина, тоскливый взгляд бродячей собаки. Конечно, были у Васьки и свои индивидуальные черты, отличавшие его от других бомжей. Прямой нос, чуть раскосые глаза, высокий лоб, толстые губы. Но кто же вглядывается в лица бомжей? От такого бродяги, как Васька, прохожие безгласно отворачиваются. Презренное существо.

Вечерело. Поеживаясь от пронизывающего мартовского ветерка, бомж сунул под мышку целлофановый пакет, плотнее запахнул пиджачишко и глянул по сторонам. Между двумя пятиэтажками по широкому тротуару шли в обнимку парень и девушка. Дождался, когда парочка исчезнет в подъезде, и, еще раз убедившись, что его никто не видит, нырнул под балкон.

Четыре ступеньки вниз, железная дверь — и Васька у себя в апартаментах. Кто еще из жильцов дома имеет такую жилплощадь? Дворец! Семьсот квадратных метров, а может быть, и больше, Васька не считал. Обстановка, правда, не дворцовая. Из роскоши одни вентили, трубы да проводка. Но Васька не привередлив — главное, тепло, хотя и сыровато.

Ботинки, как два корабля, побывавшие в бою, — все в пробоинах. Чтобы не промочить ноги, бомж, ступая по камням, перешел лужу, потом взобрался на канализационную трубу и стал потихоньку передвигаться в крошечной темноте по длинному узкому коридору.

Вот и закуток. Васька нащупал патрон, повернул в нем лампочку. Тусклый свет озарил низкий потолок, три стены, неровный, заляпанный комьями бетона пол, драный матрас. Спальня Васьки.

Бомж спрыгнул с трубы и тут же принялся за дело. Из дальнего угла бокса, где был свален хлам, принес деревянный ящик и соорудил из него костерок. Затем из одного из кранов, которых поблизости было великое множество, набрал в кружку воды и поставил ее прямо в огонь. Пока вода закипала, стал «накрывать на стол». Из пакета вывалил на матрас кусок дешевой колбасы, батон и бутылку вина. Царский ужин!

Но такой пир Васька закатывал не всегда. Просто ему сегодня повезло. Его и еще троих таких же бедолаг с утра на-

нял на бирже мужик — заливать фундамент для дома. Работа адская, но и расчет был приличным. Кроме обеда, отвалил денег, которых теперь при правильном распределении хватит дня на три.

Вода вскипела. Проволочным крючком Васька вытащил из огня кружку, бросил в нее несколько крупинок заварки. Через пару минут чай будет готов. Бомж открыл бутылку вина, сделал несколько глотков и, смакуя, принялся за колбасой, запивая их чаем.

Васька не всегда был бомжем. Были когда-то у него жена, сын, трехкомнатная квартира, работа. Банальная история: пьяная драка, четыре года тюрьмы. Когда вышел, оказалось, что жена каким-то образом сумела развестись с ним, продала квартиру и вместе с сыном и новым мужем укатила в неизвестном направлении. Отца Васька не помнил, мать лет десять назад умерла, а других родных не было. Остался Васька один. Вернуть квартиру ему не удалось, вот и стал скитаться. Летом ночевал в саду, а в холодное время года — в подвале. Иногда Ваську выгоняли из подвала, но он быстро находил себе новое пристанище.

Покончив с ужином, бомж удобно устроился на матрасе и, попивая остатки вина, уставился на тлеющие угли. Хмуро было на душе у Васьки.

А дым от костра поднимался в шахту и таял в ночи...

Хозяйка квартиры на третьем этаже Ольга Есеновна Бери-

кова, заглянув по делу в туалет, сразу же учуяла запах дыма. «Опять эти бомжи в подвале костер жгут», — недовольно подумала она и, выйдя в коридор, плотно закрыла за собой двери.

Лежавшая в спальне на трюмо плойка как раз нагрелась. Ольга подправила несколько локонов, взбила крашенные в рыжий цвет волосы и зафиксировала прическу лаком. Покрутившись еще немного перед зеркалом, она не удержалась от комплимента в свой адрес: «Чертовски хороша!»

И Берикова себе не льстила. У нее было милое лицо, сочетавшее в себе азиатские и европейские черты, отличная фигура и стройные ноги, позволявшие щеголять в мини-юбке. К перечисленным достоинствам Ольги можно добавить четырехкомнатную квартиру (евроремонт, шикарная мебель, ультрасовременная бытовая техника), двадцать девять честно прожитых лет и девственно чистую страничку в паспорте в графе «семейное положение».

Нет-нет, Ольга Есеновна до сих пор не выходила замуж вовсе не потому, что не было женихов. Напротив, составить ей партию пожелал бы любой — и даже много моложе ее — холостой мужчина. Однако до настоящего времени Бериковой было не до создания семьи. Она занималась исключительно наукой и преуспела на этом поприще — кандидат медицинских наук, ведущий хирург в клинике пластической хирургии. Но это был не предел. Ольга мечтала о частной клинике. Работа хирурга приносила неплохой доход — же-

лающих подкорректировать внешность было с избытком, — но капитала для открытия собственного дела у Бериковой не хватало. Однако Ольга не отчаивалась. Планов на будущее у нее было хоть отбавляй, а в ближайшей перспективе — замужество. А вот, кстати, и кандидат в супруги.

Заслышав трель звонка, Ольга поспешила к двери. Глянула в «глазок» — не ошиблась! На лестничной площадке с огромным букетом гвоздик стоял именно тот, кого она с таким нетерпением ждала. Открыв дверь, впустила гостя в прихожую.

Виктор Андреевич Нечаев вполне соответствовал тому идеалу мужчины, который рисовала в своем воображении Берикова. Строгое интеллигентное лицо, пронзительный взгляд, две складки у жесткого рта, густые темные волосы, спортивная фигура. В общем, мужчина что надо.

— Чего же ты так долго? — с легким укором сказала Ольга, закрывая двери. — И где же гости?

Нечаев положил на столик коробку конфет, обаятельно улыбнулся:

— На работе задержался, а остальные с минуты на минуту подойдут, адрес я оставил. Это тебе! — Виктор вручил хозяйке букет и поцеловал ее в щеку. — С праздником!

— Спасибо! — Чуть приподняв черное вечернее платье с высоким разрезом сбоку, Ольга сделала шутливый книксен, потом положила цветы на коробку конфет и помогла Нечаеву снять плащ, который тут же повесила в шкафчик.

Костюм на Викторе сидел безупречно, рубашка отглажена, туфли начищены. Сама аккуратность.

Хозяйка провела гостя в приличных размеров гостиную, освещенную двумя хрустальными люстрами, под одной из которых был накрыт стол на девять персон. Закуска отменная: салаты, грибочки, огурчики, помидорчики, шпроты, жареная рыба и еще какие-то деликатесы, названия которым Виктор дать с ходу затруднялся. Центр стола занимала батарея горячительных и прохладительных напитков на любой вкус и цвет.

Увидев все это великолепие, Нечаев ахнул:

— Ты непревзойденная хозяйка! Но я никогда не поверю, что на те деньги, на которые мы с приятелями скинулись, можно соорудить такой стол!

— И не верь! — Ольга счастливо рассмеялась и обвила своей рукой руку Виктора. — На горячее у нас еще голубцы, а на десерт — торт и фрукты. Ты доволен?

— Конечно! Но к чему такие расходы? — Нечаев высвободил руку и обнял Берикову за плечи.

Женщина доверчиво прижалась к гостю, потерлась щекой о его плечо. Все же приятно ощущать рядом с собой крепкое плечо мужчины.

— Не столь уж и обременительно, — возразила она. — Не могу же я ударить в грязь лицом перед твоими сослуживцами.

Нечаев легонько сжал в своей руке плечо Ольги.

— Я все компенсирую.

— Об этом не может быть и речи! Я зарабатываю достаточно для того, чтобы позволить себе встречать гостей. И не заводи больше со мной разговор на эту тему, не то я обижусь! — Ольга капризно надула губки и даже топнула ножкой. Она кокетничала с Виктором с азартом уличной девки, желающей заполучить в свои сети очередного клиента.

Впрочем, такое поведение хозяйки очень нравилось гостю. Он вдруг почувствовал непреодолимое влечение к ее молодому, пышущему здоровьем, крепкому и упругому телу. Виктор привлек к себе хозяйку и заглянул в ее ставшими пьяными глаза. Голова у Ольги закружилась. Сладко замирая, она чувственно прижалась к Нечаеву и подставила ему полуоткрытый, ждущий поцелуя рот. С пылкостью юноши Нечаев приник к нему, его рука нырнула в разрез платья и заскользила по колготкам, под которыми чувствовалось кружево трусиков...

Неожиданно прозвучавший в коридоре звонок заставил обоих вздрогнуть. Раскрасневшаяся и весьма довольная Ольга отпрянула от Нечаева с проворством испуганной газели.

— Это, наверное, гости! — воскликнула она, тщетно пытаясь восстановить сбившееся дыхание. — Ты иди, Витенька, встречай, а я сбегая в ванную, подкрашу губы.

С быстротой, какую только позволял разрез платья, Берикова помчалась прочь из зала, а Нечаев направился к двери.

Пришли две женщины. Одна шикарная белокурая мадам лет тридцати, с пышным бюстом, крупными чуть навывкате глазами, вздернутым носом и пухлыми губами. Надетый на ней кожаный плащ с иголки, сногсшибательное вечернее платье под ним и дорогие туфельки на шпильке говорили о том, что обладательница подобного гардероба далеко не бедствует.

Вторая гостя — высокая брюнетка с тонкой талией — была лет на пять старше своей подруги. Лицо у нее было миловидным, волосы удлинненными, во всем облике сквозила какая-то то ли покорность, то ли обреченность. Об этом свидетельствовали и безвольно опущенные плечи, и усталая улыбка, и грустный взгляд больших карих глаз. Одета скромно: в ношенную, очевидно, не один сезон легкую курточку, черный шерстяной костюм и светлую блузку с повязанным вокруг шеи бантом.

— Мы хотели прийти пораньше, как договаривались, чтобы помочь вам, — с порога затараторила блондинка, — но шеф отпустил нас с работы лишь два часа назад. А этого времени, Витенька, сам понимаешь, женщине едва хватит на мейкап, прическу и переодевание. Но мы с Ильмирой сейчас же подключимся и быстренько накроем на стол.

— Помощь ваша не потребуется, — заявил Нечаев. — Ольга управилась со всем сама.

Блондинка сделала большие глаза и вполголоса шутливо воскликнула:

— Какое счастье, что хоть сегодня у меня сохранится маникюр! Обожаю приходить прямо к столу!

— Люда шутит, — тихим грудным голосом призналась Ильмира. — Наверняка и нам есть чем заняться. Мы готовы!

— Для Люды и ее маникюра будет особая работа, — хотнул Виктор. — Мытье посуды и стирка салфеток.

Блондинка, с интересом осматривавшая прихожую, обитую каким-то диковинным материалом, скорчила гримаску и хотела, видимо, язвительно ответить, но в этот миг в прихожую вплыла Берикова и категоричным тоном заявила:

— Никто ничего в этом доме делать не будет! Я пригласила гостей, и это моя обязанность накрывать и убирать со стола, а уж посуду помоем в полудомойке.

Блондинка показала Виктору язык и, обращаясь к хозяйке, защебетала:

— Мы доставляем вам столько хлопот, столько хлопот! А это все Виктор! Хотели вот отметить Международный женский день на работе, но он заявил, что будем праздновать только у вас! Он якобы приготовил какой-то сюрприз. Держал его в тайне, а вот сегодня мы о нем узнаем. Правда, Витя?

— Правда, правда, — отмахнулся Нечаев и указал на блондинку. — Кстати, вот эту молчаливую особу зовут Людмила. Она главный и единственный бухгалтер нашего магазина. Ильмира — продавец. Ну и разрешите представить вам гостеприимную хозяйку квартиры — Ольгу Есеновну Бери-

кову.

— Давайте без отчества, просто Ольга, — сказала Берикова и широко распахнула створки двери в гостиную. — Проходите, девочки, устраивайтесь! А Виктор включит вам музыку.

Следующая пара гостей прибыла полчасу спустя.

Шумный импозантный мужчина лет тридцати пяти с крупными чертами лица и жесткими темными волосами, торчащими надо лбом, как козырек кепки, вручил Ольге букет цветов и, поцеловав ей ручку, представился:

— Олег Вениаминович Кадамов! — Держался он уверенно, с достоинством.

— Между прочим, директор нашего магазина! — добавил вошедший в прихожую Виктор. — А это завскладом — Фелеев Анатолий Владимирович.

Мужчина пенсионного возраста, смахивающий на надутую индюку, пригладил росшие по бокам лысого черепа волосы, число которых не превышало двух-трех десятков, важно раскланялся и передал Нечаеву две бутылки с темно-красным, почти черным напитком.

— Вино собственного изготовления. — Голос у него был звучным, хорошо поставленным, с начальственными нотками.

— Анатолий Владимирович винодел, — пояснил Ольге Нечаев. — В подвале его гаража маленький винзавод. Шутка, разумеется. Прошу всех к столу! — Виктор сделал ши-

рокий жест. — И где же это наша молодежь запропастилась?

— Подойдут позже, — ответил директор. — День предпраздничный, торговля идет бойко. Бизнес превыше всего, Витя. Пусть немного поработают.

Когда гости расселись, Кадамов поднял фужер с шампанским.

— За милых дам! — провозгласил он тост, затем нагнулся, достал из-под стола неизвестно как оказавшийся там пакет с подарками и вручил их женщинам.

— Какая прелесть! — раскудаhtалась Людмила, вертя в руках сверток в целлофановой обертке.

После третьей рюмки гости заметно оживились, а к тому времени, когда заявила последняя партия гостей, пир был в самом разгаре.

Рыжеволосой Татьяне, девушке на выданье, с густонакрашенным привлекательным лицом, Кадамов тоже вручил сверток, усадил рядом с собой и принялся потчевать.

Саша — мужчина за тридцать лет, с бегающими светло-голубыми глазками, острым носом и пышными усами, маскирующими тонкие губы, опрокинул в себя сразу полстакана водки и закусил огурцом.

— Завтра работаем, шеф? — спросил он у Кадамова.

— Разумеется! — Директор подцепил вилкой шпроту и отправил ее в рот. — У людей праздник, а у нас, как всегда, рабочий день... А ты, Игорек, ешь, ешь, не стесняйся! — он фамильярно похлопал по плечу нескладного круглоголового

паренька призывного возраста с узкими плечами и прыщеватым невыразительным лицом.

Парень не стеснялся — ел за троих.

Нечаев встал с бокалом шампанского. Вид у него был сконфуженный и глуповатый.

— Друзья!.. Гм-гм... В общем, мы с Ольгой вчера подали заявление в загс!..

— Ага! — заорал захмелевший директор. — И ты держал это в тайне? Еще друг называется!

Остальные члены застолья в силу своего темперамента реагировали не так бурно, однако тоже, казалось, искренне обрадовались.

— Когда свадьба? — спросил Саша. Он себе ни в чем не отказывал и по количеству выпитых рюмок был уже далеко впереди всей честной компании.

Нечаев отпил шампанского, поставил фужер на стол.

— В следующем месяце. Пышной свадьбы не будет, придут человек тридцать. Вы все в числе приглашенных.

— Ура! — завопил Кадамов. Вел он себя очень развязно.

— За молодых! — предложила Ильмира.

— Горько! — пробасил Фефелев.

Все нестройно чокнулись, а Виктор привлек к себе Ольгу и звучно чмокнул ее в губы. Потом достал из кармана небольшую коробочку и раскрыл ее. На черном бархате блеснул драгоценный камень, вправленный в кольцо.

— Какая прелесть! — воскликнула Берикова и хлопнула

в ладоши.

— Это тебе! — Под одобрительные возгласы присутствующих Нечаев протянул Ольге подарок и, чтобы скрыть смущение, подтрунивая над самим собой, добавил: — В знак моей безграничной любви и преданности.

Берикова тут же надела колечко на безымянный палец и, отведя руку в сторону, полюбовалась им.

— Танцуют молодые! — неожиданно прокричал директор и громко захлопал в ладоши. — Просим! Про-осим!

Отодвинув стул, Саша ринулся к музыкальному центру. Дивно запел саксофон. Под жидкие аплодисменты Берикова выплыла на середину зала и грациозно сложила свои красивые белые руки на плечах подросшего Нечаева. Пара задвигалась в такт музыке. Присутствующие стихли. Внимание мужчин приковывал смелый разрез на платье Ольги, из которого выглядывала стройная ножка, соблазнительно обтянутая колготками. Внимание женщин было сосредоточено на итальянском столовом гарнитуре, французской мягкой мебели, коврах, дорогих портьерах. Завидная невеста Ольга Есеновна!

— Ты сегодня останешься у меня? — покачиваясь на волнах сладко звучащей музыки, спросила Берикова у Виктора. Саксофон пел громко, поэтому парочка могла не опасаться, что их услышат гости.

Нечаев сцепил за спиной партнерши руки и крепко прижал ее к себе.

— А ты хочешь, чтобы я остался? — шепнул он ей на ухо.

— Не заставляй меня первой признаваться тебе в своих желаниях, — тоном капризной девочки сказала Ольга. — Ты же прекрасно знаешь, что хочу!

— Тогда останусь.

— И вообще, когда ты насовсем переедешь ко мне?

Тему переезда молодые еще не обсуждали. Разумеется, Виктор был рад предложению невесты, но предпочел поломаться. Он изобразил на лице недоумение.

— Ты хочешь, чтобы мы жили у тебя?

— Нет, конечно! — тоном, не лишенным сарказма, ответила Берикова. — Я хочу, чтобы мы оставили мою благоустроенную квартиру и переехали жить в твою однокомнатную халупу, что досталась тебе от твоей бывшей благоверной.

— Не язви! — рассмеялся Нечаев и, пользуясь тем, что в этот момент партнерша находилась лицом к гостям, ущипнул ее пониже спины.

— Так когда же? — сохраняя серьезность, спросила Ольга.

— После свадьбы.

— Послушай! — с притворным возмущением воскликнула Берикова. — Кто, в конце концов, из нас должен изображать целомудренную невесту — ты или я?!

— Ты, — признался Нечаев и наконец сдался: — Ладно,

завтра же перееду.

Зазвучала ритмичная музыка. Гости вскочили с мест и пустились в пляс. Пол задрожал от топота, на столе зазвенели рѳмки, а у соседей этажом ниже наверняка закачалась люстра.

Виктор воспользовался моментом и улизнул в кухню покурить. К нему присоединился директор. Через пару минут он потушил сигарету и зашел в туалет. В узкой тесной комнатухе с низким потолком пахло гарью. Выйдя, Кадамов столкнулся в коридоре с Ольгой. Она несла поднос с громадным тортом, украшенным всевозможными завитушками и розочками.

— Где-то что-то горит! — сообщил директор.

— Бомжи в подвале огонь развели, — Берикова подняла торт повыше, чтобы не задеть начальника жениха, и протиснулась в прихожую. — Когда-нибудь эти бродяги спалят весь дом!

Заметив Нечаева, Кадамов подозвал его.

— Пойдем-ка, Виктор, спустимся в подвал!

— Это еще зачем? — удивился тот.

Заплетающимся языком Кадамов изрек:

— Бомжей разгоним, а заодно проветримся!

Нечаев неохотно взялся за ручку двери, но тут Ольга преградила ему путь.

— Да вы что, ребята! — тыча подносом в грудь жениху, воскликнула она возмущенно. — Это не ваша проблема!

Пусть бомжами занимаются полиция и управляющая компания!

Однако хмельного директора трудно было урезонить.

— Бомжей из подвалов нужно гнать! — уперся он.

Расстроенная упрямством гостя, хозяйка привела последний аргумент:

— Но вы же перепачкаетесь, мальчики!

— Не будем мелочиться, Оленька! — поморщился Кадамов и решительно отодвинул Берикову с пути. — Виктор, вперед!

Пожав плечами, Нечаев вышел из квартиры. Было холодно, и он пожалел о том, что не взял пиджак, а если честно, то жалел еще и о том, что вообще потащился за директором.

«В самом деле, какое мне, а тем более ему, дело до этих бомжей?! — возмущался он в душе. — Черт знает, что там у них на уме, убьют еще!»

Однако, согнувшись в три погибели, Виктор подлез под балкон и открыл дверь в подвал. Тяжелый влажный воздух ударил в нос. Нечаев поморщился, но все-таки перешагнул порог и тут же угодил в лужу. Крепко выругавшись, он выбрался на сухое место и подошел к трубам. Сзади пыхтел Кадамов. Виктор вытянул шею и заглянул в тоннель. Где-то в середине его брезжил слабый свет.

— Э-эй! Есть здесь кто-нибудь?! — крикнул он.

— Бомжи-и и бомжихи-и! — глумливо закричал Кадамов, но Нечаев перебил его и прислушался.

Ответом было глухое эхо. После еще одной попытки докричаться оба пришли к выводу, что зря дерут глотки.

— Нужно идти к ним! — объявил директор, задрал ногу и попытался влезть на канализационную трубу. Однако он был так пьян, что это ему не удавалось.

Уговоры отправиться домой ни к чему не привели. Кадамов твердо решил расквасить себе физиономию о систему канализации. Проклиная директора и его затею, Нечаев сам влез на трубу и стал осторожно двигаться по тоннелю.

К радости Виктора, вместо рисовавшейся в его воображении банды головорезов в подвале находился один-единственный бродяга. Худой и обросший, он сидел у тлеющего костра на драном матрасе и смотрел в пустоту. С ним-то уж в случае чего Виктор наверняка смог бы справиться.

— От твоего костра весь дом провонял дымом! — придавая своему голосу строгость, заявил Нечаев. — Долго это будет продолжаться?

Васька молчал. На его лице застыло отрешенное выражение. Таким образом он всегда отгораживался от людей, с которыми не хотел говорить.

— Чтобы завтра же тебя здесь не было! — ободренный тем, что ему не перечат, продолжил Нечаев. — Иначе тебе будет плохо!

Ноль эмоций. Очевидно, бомж считал ниже своего достоинства разговаривать с каким-то там фраером в белой рубашке и отутюженных брючках.

— Ты слышишь меня? Эй, ты! — теряя терпение, свирепо сказал Нечаев... Вдруг ему в голову пришла шальная мысль. Он понял, как можно избавиться от бомжа. Нечаев некоторое время вглядывался в лицо бродяги и неожиданно для себя миролюбиво предложил: — Выпить хочешь?

Предложение было неожиданным и для видавшего виды Васьки. Он медленно перевел удивленный взгляд на стоящего перед ним на трубе незнакомца, но промолчал и снова уставился в пустоту.

— Ну, чего там, Виктор? — нетерпеливо крикнул директор. Его голос эхом прокатился по тоннелю.

— Все в порядке, сейчас возвращаюсь! — прокричал в ответ Нечаев и негромко сказал бомжу: — Жди гостинцев!

Он повернулся и стал удаляться по длинному узкому коридору.

Конечно, Васька ни на что не рассчитывал. Он уже укладывался спать, когда, к его изумлению, из черного квадрата шахты опустился и повис в воздухе пузатый целлофановый пакет. Бомж отвязал его и заглянул внутрь. Глаза разбежались. В пакете оказались полбутылки водки, нарезанная кружочками колбаса, ломтиками сыр, сало, в пластмассовых баночках салаты, голубцы и даже завернутый в бумажную салфетку кусочек торта...

Гости в доме Бериковой еще долго веселились и разо-

шлись далеко за полночь. Виктор остался ночевать, а на следующий день на дверях подвала повис замок, и Васька в этих краях перестал появляться.

ГЛАВА 1

Месяц спустя ранним утром в квартире майора полиции Хвостова раздался звонок мобильного телефона. Было воскресенье, и в этот день Хвостов рассчитывал как следует выспаться. Не получилось. Майор мгновенно открыл глаза, нажал на клавишу соединения.

— Хвостов слушает! — Сна как не бывало.

— Доброе утро, Борис Егорович, — раздался в трубке приятный баритон помощника Хвостова лейтенанта Селиванова. — Выспались?

— Выспишься тут, — буркнул начальник. — Что у тебя, Женья?

— Ограбление магазина, Борис Егорович. Охранник убит. Хвостов знал, что помощник этой ночью дежурил в ГУВД, однако спросил:

— Ты где сейчас?

— На работе, — голос у Селиванова был усталым. — Это дело начальник ГУВД поручил нам.

— Я так и понял. Приеду через полчаса, — букву «р» майор выговаривал с хрустом, будто разгрызал сухарик. Такой вот у него был дефект речи.

— Борис Егорович, товарищ майор, — заторопился Женья, очевидно опасаясь, что шеф отключит телефон. — Наряд к выезду готов. Мы за вами заскочим. Пятнадцать минут

на сборы вам хватит?

— Вполне.

Хвостов положил трубку, рывком сел на кровати и пригладил на голове ежик волос.

Между прочим, редкий случай, когда можно увидеть начальника отдела уголовного розыска по убийствам в одних, пардон, трусах. Майор был тощ, — скелет и тот кажется жирнее, — но жилист и гибок. Его сутулую фигуру с непомерно длинными руками легко можно представить в тазобедренной повязке где-нибудь в джунглях, раскачивающуюся на лиане или взбирающуюся по стволу пальмы. Однако и в цирке, в трико, на трапеции или перекладине, он смотрелся бы ничуть не хуже. Но майор выбрал себе в качестве одежды полицейскую форму и нисколько об этом не жалел.

Хвостов нащупал на тумбочке рядом с телефоном свои неизменные оптические очки зеленого цвета и водрузил их на крючковатый нос. Предметы сразу же приобрели привычные очертания. Жена, оказывается, не спала. На ее лице ленивой кошечки возникло сочувствующее выражение.

— Опять на работу вызывают? — промурлыкала она, жмурясь от неожиданно заглянувшего в окно солнечного лучика.

Майор кивнул.

Нежась в постели, молодая женщина потянулась.

— Позавтракаешь сам, дорогой, ладно?

— Ладно! — Хвостов потрепал жену за щечку, быстро

поднялся и направился в ванную.

Майор женился на Наденьке Кузнецовой, когда ей было восемнадцать, а ему тридцать. В то время, правда, он был лишь старшим лейтенантом. Хвостов любил Наденьку без памяти и относился к ней с нежностью и умилением. С годами чувства не иссякли, и вот даже сейчас, по прошествии десяти лет, он все так же холил и лелеял женушку, как в первые месяцы после свадьбы, а порой испытывал к ней такие же отцовские чувства, как к двум своим хорошеньким дочкам — девятилетней Тане и шестилетней Леночке.

Хвостов побрился, оделся и едва успел откусить от бутерброда, как во дворе просигналила машина. Он выглянул в окно и помахал рукой, что уже идет. На ходу дожевывая бутерброд, майор выскочил из квартиры и спустился в лифте на первый этаж.

Старенький желтый «УАЗ» на фоне стоявшей рядом с ним яркой иномарки выглядел особенно жалко. Хвостов поздоровался с молодцеватым помощником и приветливо кивнул врачу-патологоанатому Красновой:

— И тебя, Светлана, вытащили из дому?

Сидевшая рядом с водителем в кабине врач развела пухлыми руками:

— Как видишь, без меня вам никак не обойтись!

— Так же, как и вам без меня, — пошутил Хвостов и, запрыгнув в машину, уселся рядом с экспертом Смысловым.
— Мы все одной веревочкой повязаны. Верно, Владислав

Николаевич?

Обрюзглый мужчина в штатском, пожимая руку майору, проворчал:

— Верно.

— Тогда, Алик, поехали! — приказал Хвостов шоферу.

«Уазик» тронулся, и Женя уже на ходу захлопнул дверцу. Окон в салоне не было. Приспособленный для перевозки преступников отсек «уазика» погрузился в темноту.

Через пятнадцать минут команда Хвостова выгрузилась на широкой улице, по одну сторону которой расположились массивные многоэтажные здания старой постройки, по другую — небольшие современные магазины. Проект был единым: на небольшом возвышении — в три мраморные ступеньки — бесконечный ряд магазинов и вдоль него выложенная плиткой такая же бесконечная полоса тротуара в десять метров шириной. Плитка выложена не везде: кое-где остались черные квадратики земли, из которых торчали невысокие декоративные деревья.

Нужный магазин Хвостов определил сразу: возле него стояла толпа зевак.

— «Бриллиант»! — прочитал майор витиеватые буквы и присвистнул: — Черт возьми! А магазинчик-то, ребятки, ювелирный!

— Вот-вот, — проворчал Смыслов. — Как пить дать, повиснет на тебе это дело...

— Не каркайте! — прохрустел майор и твердым шагом

направился к «Бриллианту».

Завидев полицию, толпа зевак расступилась, и команда Хвостова гуськом втянулась в магазин.

«Бриллиант» имел площадь не меньше ста квадратных метров и вполне оправдывал свое название: хрустальные люстры, мраморный пол, сияющие витрины, пластиковые стены.

При появлении группы Хвостова из угла магазина, где стоял кассовый аппарат, поднялись двое: смуглый узколицый полицейский и мужчина пенсионного возраста с обширной лысиной.

— Участковый инспектор старший лейтенант Андреев, — представился полицейский.

— Майор Хвостов.

— Вот, товарищ майор, — Андреев развел руками, будто пытался объять все пространство торгового зала. — Передаю вам магазин в том же состоянии, в каком принял.

Хвостов вопросительно посмотрел на лысого.

— Фефелев Анатолий Владимирович, — назвался тот. — Завскладом этого магазина. — Говорил мужчина басом, тоном солидного человека и невольно вызывал уважение. — В магазине много ценностей, — забубнил он, — и я, как материально ответственное лицо, считаю своим долгом следить за тем, чтобы ничего отсюда не пропало. Я верю в порядочность всех присутствующих здесь людей, но тем не менее не выйду из магазина до тех пор, пока вы не закончите в нем

работу. — Воинственный и надменный вид мужчины подтверждал, что так оно и будет.

— Не возражаю! — согласился Хвостов и кивнул Жене: — Лейтенант, организуй-ка двоих понятых и пусть вместе с гражданином наблюдают за происходящим... Где труп?

— Там! — откликнулся участковый и указал за одну из витрин.

— Владислав Николаевич, Светлана! — громко позвал майор. — За мной!

Витрин было три. Они стояли независимо друг от друга у трех глухих стен, у которых находились несколько высоких стеклянных шкафов. Витрина справа, куда направились следователь, эксперт и патологоанатом, состояла из нескольких секций. Задние стенки секций были откинуты, ящики, обитые изнутри черным бархатом, выдвинуты, в них явно не хватало кое-каких предметов. Шкафы грабитель тоже не обошел стороной, обобрал основательно, а в одном, очевидно второпях, даже разбил стекло и опрокинул полки.

Труп лежал за витриной в проходе, оканчивавшемся дверью в подсобное помещение. Это был крепкий мужчина лет пятидесяти, одетый в белую майку, легкую курточку и синие джинсы. Охранник лежал лицом вниз; мощный затылок проломлен; слева, там, где сердце, расплылось темно-красное пятно. Крови было немного — небольшая лужица на мраморном полу. В ней поблескивали осколки стекла.

— Приступайте! — скомандовал Хвостов и оглядел зал.

Женя уже привел понятых — ничем не примечательных мужчину и женщину. Они скромно сидели в уголке магазина и с любопытством осматривались. Фефелев важно прохаживался по залу. Одна нога, очевидно, у него побаливала, он выбрасывал ее далеко вперед, будто цирковая лошадь. Женя и участковый стояли у стены и тихонько переговаривались.

— Кто обнаружил труп? — обращаясь к ним, прокаркал майор.

Однако ответил Фефелев:

— Я.

— Вот и отлично! — чему-то обрадовался Хвостов. — Где мы можем побеседовать?

Завскладом перестал гарцевать, «осадил».

— Я думаю, в кабинете директора. Там нам никто не помешает.

Хвостов поднял с полу свой кейс, демонстрируя готовность отправиться за Фефелевым, однако тот не спешил. Он стоял в нерешительности, потом вдруг пробормотал:

— Одну минутку! — и вышел из магазина, но тут же вернулся с высокой брюнеткой с тонкой талией и заплаканным миловидным лицом. — Это Ильмира, — отрекомендовал он молодую женщину. — Наш продавец. Она пока вместо меня здесь побудет... Идемте!

В подсобные помещения можно было попасть и через вторую дверь — от витрины, что находилась на возвышении у задней стены здания. Фефелев, а за ним Хвостов и Женя во-

шли в коридор, где располагались три комнаты. Первые две — склад и бухгалтерия, куда поочередно заглянули полицейские, были с глухими стенами, третья — кабинет директора — имела окно, которое выходило на парадную сторону здания.

Хвостов усадил Женю в директорское кресло, Фефелева — напротив лейтенанта, а сам пристроился сбоку стола.

— Пиши протокол, — приказал майор помощнику и, пока тот заполнял исходные данные завскладом, огляделся.

Кабинет был небольшим, скромно обставленным. Стол, кресло, несколько стульев вдоль стен, сейф да люстра с вентилятором.

«Мог бы раскошелиться на мебель и подороже, — подумал Хвостов. — Как-никак директор солидного магазина».

— Я вас слушаю, Анатолий Владимирович, — разгрыз свой первый сухарик майор. — Расскажите, как вы обнаружили труп охранника и, вообще, о том, что вы увидели, когда утром пришли на работу?

На лбу и лысине Фефелева собрались морщины. Несколько секунд он молчал, затем размеренно и неторопливо заговорил:

— Сегодня утром я пришел на работу, как всегда, в восемь часов. Жалюзи на окнах и дверях магазина были опущены. Это показалось мне странным, так как к началу рабочего дня охранник поднимает их.

— Охранник ночует в магазине? — спросил Хвостов.

— Да. Он закрывает двери снизу на шкворень. Я стучал, но никто не отзывался. Время шло, и нужно было что-то предпринять. Директору я не дозвонился и принял самостоятельное решение вскрыть магазин. — Говорил Фефелев грамотно, четко выговаривая слова. Сразу видно, интеллигентный человек и, кстати, неплохой оратор. — К этому времени подошли продавцы. Мы попросили в соседнем магазине стройматериалов электродрель. Входная дверь, если вы заметили, стеклянная, а внизу полоска, сантиметров пятнадцать, из дюралюминия. При помощи дрели мы высверлили в ней отверстие и, изловчившись, освободили шкворень. С первого взгляда было ясно, что магазин разграблен. Я приказал всем оставаться за дверью, а сам вошел и позвонил на пункт охраны. Сигнализация оказалась включенной, и ребята из пункта отключили ее. Я прошел в подсобные помещения. Двери на склад оказались взломаны, сейфы вскрыты. Когда я вышел в торговый зал через другие двери, то в проходе за витриной наткнулся на охранника.

— Как его зовут? — спросил Хвостов.

— Володя Сечин, — Фефелев скроил скорбную мину и вздохнул: — Жалко мужика. Отличный был парень.

— Ну, не такой уж и парень, — возразил майор. — Ему ведь лет пятьдесят, не меньше?

— Но мне-то шестьдесят! — непререкаемо авторитетным тоном заявил завскладом. — Имею я право так его называть?

— О! — воскликнул майор. — Так вы, Анатолий Влади-

мирович, оказывается, еще и демагог! Продолжайте!

Фефелев посмотрел как-то странно, однако продолжил:

— Я позвонил в полицию. Они, очевидно, разыскивали участкового и прислали его сюда — покараулить до вашего прихода.

Хвостов дал возможность помощнику записать слова завскладом и задал следующий вопрос:

— Не могли бы вы в двух словах рассказать о принципе работы вашего магазина?

— Почему бы и нет? — пробасил Фефелев и принялся со свойственной ему обстоятельностью докладывать: — В штате нашего магазина вместе с охраной десять человек: директор, завскладом, завсекцией, бухгалтер, три продавца, кассир и два охранника. Правда, есть еще уборщица, но она в штате не числится, приходит раз в день в конце рабочего дня, убирает, и с ней тут же расплачиваются.

Директор и я заключаем сделки, ездим на завод ювелирных изделий, договариваемся с коммерсантами, мастерами. У нас ведь в продаже еще и бижутерия, — в общем, поставляем в магазин товар. Затем я выписываю товар на заведующего секцией. Он хозяин в торговом зале и отвечает за продавцов, кассира, товар, иногда принимает у населения ювелирные изделия, оценивает их и выставляет на продажу. В конце рабочего дня завсекцией принимает от кассира выручку, подводит итоги рабочего дня, собирает с витрин наиболее ценные вещи и запирает их в своем личном сейфе, кото-

рый стоит у меня на складе. В семь часов вечера приходит один из охранников, они чередуются через день, а сам магазин сдается под охрану на пункт. Вот, собственно говоря, и все.

Со сложенными в трубочку губами майор с задумчивым видом качал головой в такт словам Фефелева.

— А скажите, — неожиданно произнес он. — Не слишком ли большой штат сотрудников для такого магазина?

— Ну что вы! — снисходительно заметил Фефелев. — Расходы на содержание штата окупаются с лихвой. И потом, товарищ майор, нам нужно держать марку солидного предприятия.

— И много было похищено из вашего солидного предприятия?

Завскладом несколько секунд сидел молча, и когда майор уже решил, что Фефелев не расслышал, а может быть, не понял вопроса, тот вдруг тряхнул головой, словно его толкнули в спину.

— Много! Я не знаю, кто это сделал, но могу сказать точно: этот человек здорово разбирается в нашем деле. Он взял наиболее ценные из вещей. Кстати, он прихватил еще из сейфа Нечаева трехдневную выручку.

Хвостов блеснул продолговатыми стеклами очков.

— Кто обычно запирает магазин и сдает его под охрану?

— Завсекцией Нечаев. Это его обязанность.

— Вчера он сдавал?

— Нет, я.

Из-под очков майора выскочили брови.

— Это почему же?

— Видите ли, — отчего-то смутился завскладом, — он вчера женился.

— Завсекцией разве молод?

— Да нет же! Это у него второй брак.

— Вот как? — Хвостов решил ускорить темп допроса. —

Вчера вы последним уходили из магазина?

— Нет. После работы мы всем коллективом отправились к Нечаеву на свадьбу.

— Ага! Свадьба, значит, все-таки была?

Фефелев махнул рукой:

— Да какая там свадьба при нынешней дороговизне! Так, вечеринка человек на тридцать.

— Сотрудники «Бриллианта» были без жен и мужей?

— Да.

— Отчего же так?

Наконец-то Фефелев показал, что у него есть чувство юмора. Он оскалился так, что у глаз его собрались морщины, и укоризненно-иронично протянул:

— Ну-у, товарищ майор, кто же ходит с мужьями и женами на «коллективные» мероприятия?

— Понятно. Свадьба была в кафе?

— Нет, у невесты дома.

— Ее фамилия, адрес?

Фефелев назвал.

— Отметь-ка у себя, Женя, — сказал майор помощнику. — Анатолий Владимирович, в котором часу вы покинули квартиру Бериковой?

К этому вопросу Фефелев, казалось, был готов.

— В двадцать три сорок, — ответил он без запинки.

— Вы сразу отправились домой?

— Конечно.

— Кто это может подтвердить?

— Жена, дети...

В дверь постучали, потом она приоткрылась, и в кабинет просунула голову Светлана Краснова. На ее лице с коротковатой верхней губой был написан немой вопрос.

— Входи, Света, — милостиво разрешил Хвостов. — Есть какие-нибудь результаты?

— Кое-что, — Краснова протиснулась в кабинет. Она была уже в белом халате с вышитыми на верхнем кармашке красной нитью инициалами. — Ты скоро освободишься?

— Минуточку! — Майор встал. Это означало, что разговор с Фефелевым закончен. — Анатолий Владимирович, я не прощаюсь. Мы с вами еще увидимся. Побудьте пока в торговом зале... А ты, Женя, займись отправкой трупа в морг и сгоняй в пункт охраны, поговори с ребятами и, самое главное, узнай, не срабатывала ли ночью сигнализация.

Фефелев, а за ним Женя вышли из кабинета. Хвостов занял директорское кресло, а Светлана присела напротив май-

ора.

— Выкладывай! — потребовал Хвостов.

Краснова знала, что майор терпеть не мог казенный язык, поэтому в своем докладе старалась избегать научной терминологии.

— Жертву сперва ударили сзади по голове тяжелым предметом, — начала она, — потом воткнули нож в спину.

— А не наоборот? — перебил майор.

— Что наоборот?

— Вначале ножом, а потом по голове?

— Если было бы наоборот, — неожиданно обиделась молодая женщина, — то я бы так и сказала.

— Ладно, ладно, Света, не нервничай! — миролюбиво произнес Хвостов. — Значит, действовал не профессионал?

— Очевидно. Убийца не был уверен в том, что с одного удара прикончит охранника. Поэтому он вначале оглушил его, а уж потом вонзил в сердце нож. Кстати, оружие убийства не нашли.

— А могла все это проделать женщина?

— Запросто! Особенно красивая женщина, — усмехнулась Светлана. — От нее мужчина меньше всего ожидает предательского удара в спину.

— К чему ты клонишь? — не понял майор.

Наклонив голову, Краснова взбила лезшую в глаза челку.

— Все вы мужики одинаковы, — сказала она с иронией.

— При виде юбки таете.

— Как видишь, в твоём присутствии я остаюсь ледяной глыбой.

— Значит, я недостаточно красива.

— Я этого не говорил... Когда наступила смерть?

— Не менее десяти часов назад. Точнее определит вскрытие...

Дверь беспардонно распахнулась, и в кабинет со стареньким фотоаппаратом на шее вошел Смыслов. Старика мучила одышка. Он опустился в кресло, широко расставив ноги с крупными шарообразными коленями.

— Что у вас, Владислав Николаевич? — задал вопрос Хвостов.

— Ничего примечательного, — с присущим ему недовольством признался эксперт. Он еще не отдышался. — Три наружные стены глухие... В полу и потолке проломов нет. Наружные витрины, двери и вот это окно, — толстый заросший между суставами шерстью палец Смыслова указал на забранное решеткой окно позади Хвостова, — целы. Те витрины, что стоят в торговом зале, были закрыты для виду... Сломать на них замки — раз плюнуть... Похищено самое ценное. Про отпечатки я ничего не говорю. Легко можно представить, сколько человек бывает только за один день в магазине. Да и преступник, очевидно, был не дурак. Готовясь к такому серьезному делу, он наверняка припас пару перчаток... Но вот что интересно, Боря, — оживился эксперт. — На первый взгляд, два сейфа на складе взломаны,

но, как оказалось, они были аккуратно открыты ключами. Грубая инсценировка... Из сейфов же, как говорят сотрудники «Бриллианта», опять-таки похищено самое ценное.

Майор громыхнул ногами под столом. Он был так худ, что можно было предположить, будто загремели его кости.

— Похоже, преступник неплохо ориентировался в здешней обстановке, — сказал он и перевел взгляд на Женю, который вошел пару минут назад, но, чтобы не прерывать доклада Смылова, остановился у двери. — Проходи, лейтенант, садись. Что успел сделать?

Селиванов шагнул, однако не сел, а остановился у стены рядом с расположившейся на стуле Светланой.

— Труп отправил, — начал он. — Был на пункте охраны, он в двух шагах. Ребята говорят, сигнализация ночью не срабатывала. Как сдали вчера магазин под охрану, так только сегодня утром сняли. Поздновато, правда. Об ограблении не знают, не ведают.

— Проморгали, небось, сигнал-то! — пробрюзжал Смылов.

— Нет. Система надежная, ребята толковые, не могли. Здесь все чисто. У них, между прочим, со всеми магазинами договор: ночью здания не вскрывать ни под каким предлогом. А если кто и вскрыет и даже сообщит на пункт пароль, то все равно они выезжают на место немедленно.

Хвостов казался обескураженным.

— Как же тогда преступник проник в магазин? — спросил

он озадаченно.

Смыслов язвительно заметил:

— Спроси лучше, как он вышел отсюда. Войти он мог и до закрытия магазина и где-нибудь спрятаться.

Майор давно привык к манере разговора эксперта и не обращал внимания на его тон.

— Но ведь не дух же он и не человек, который может проходить сквозь стены, — произнес Хвостов, впрочем, не очень уверенно. — Вышел же он отсюда, и, как мне кажется, самым банальным способом. Это мы и должны выяснить... И сдается мне, ребята, что преступник — один из работников магазина. Уж очень многие факты указывают на это. Заверлась, значит, в магазине паршивая овца, которая решила присвоить драгоценности... В общем, нужно установить, кто из работников «Бриллианта» пришел на свадьбу последним.

Женя сразу понял, к чему клонит начальник.

— Но ведь у преступника мог быть сообщник, — возразил он, — который спрятался в магазине до закрытия, а затем вышел из укрытия, убил охранника, забрал драгоценности и покинул здание.

— Как? — ехидно вставил Смыслов.

— Да погодите вы! — гаркнул на эксперта Хвостов.

— Таким образом, — продолжил Женя, — мы не вычислим преступника. Ваша теория о том, что он пришел на свадьбу последним, действовать не будет.

— Да нет же! — вдруг вклинилась в разговор Светлана.

— Убийца был из своих. Чужак не смог бы из такой кучи побрякушек выбрать самые ценные, даже если бы ему их и описали, это раз. И во-вторых, охранник не подпустил бы к себе чужого... — Краснова заговорила с увлечением: — Ну представьте себе такую ситуацию: охранник считает, будто он в магазине один, и вдруг перед ним появляется незнакомец. Разве повернулся бы он к нему спиной?

— В такой ситуации он бы и к «своему» не повернулся, — резонно заметил Смыслов. — Ведь и дураку ясно, что по узкому проходу охранник шел впереди преступника, когда тот ударил его по голове.

— Ну и о чем это говорит? — не понял Хвостов.

— Я не знаю, о чем это говорит, — проворчал Смыслов, — но если бы передо мной в закрытом магазине неожиданно появился будь то знакомый, будь то незнакомый человек, я не стал бы вести его за собой в подсобку, подставив затылок.

На птичьем лице Хвостова появилось задумчивое выражение.

— Да-а... Загадка!

— А если допустить, что это была женщина? — предположила Светлана. — Красивая женщина, Боря! И что охранник ей симпатизировал?

— А что?! — оживился Хвостов. — Очень даже может быть... Ну-ка, Женя, тащи сюда эту продавщицу. Ильмира, кажется. А вы, — обратился майор к Красновой и Смыслову, — можете быть свободны. Через три часа жду письменные

заклучения экспертизы.

Женя, а за ним Краснова и Смыслов встали и гуськом вышли из кабинета. Через пару минут помощник вернулся в сопровождении высокой стройной женщины, одетой в темную узкую юбку выше коленей, жакет и белую водолазку. У продавщицы была осиная талия, небольшой хорошо очерченный рот, идеальной формы нос, большие влажные глаза. Неплохое лицо для визитной карточки респектабельного магазина.

Продавщица была во вкусе Хвостова. Его лицо залоснилось, а вспыхнувший в глазах блеск не смогли скрыть даже темные стекла очков. Майор как истинный джентльмен встал.

— Проходите, садитесь, пожалуйста, — проговорил, а точнее проурчал он, словно кот, указывая женщине на кресло по другую сторону стола.

Ильмира села, одернув юбку. Сели и Хвостов с Женей.

— Ваши фамилия, имя, отчество? — спросил майор.

— Атаулина Ильмира Закировна. — Продавщица явно нервничала и все время теребила длинными пальцами края жакета.

— Год рождения?..

В течение двух минут Хвостов быстро задавал вопросы и быстро записывал ответы на них. Наконец он отложил ручку и перешел на задушевный тон:

— Можно я буду называть вас просто Ильмира?

— Конечно.

— Вы замужем?

Атаулина смутилась:

— Муж сидит в тюрьме.

— О, простите!.. Дети есть?

— Да, два мальчика. Старший в десятом классе, младший в шестом.

— Большие. Втроем, значит, живете?

В глазах Ильмиры стала потихоньку пропадать настороженность.

— Вчетвером. С нами живет моя мама.

— Старенькая?

— Второй год на пенсии.

Майор дружелюбно произнес:

— На пенсии — это хорошо. Есть кому за детьми при-
смотреть... А скажите, коллектив у вас в магазине дружный?

Своего Хвостов добился: женщина расслабилась, заговорила непринужденно.

— Да ничего вроде. Дни рождения, праздники вместе отмечаем.

— Так-так... А вот охранник каким человеком был?

Лицо Ильмиры омрачилось.

— Хорошим. Бывший офицер, честный, правдивый. Жалко мужика, ни за что убили.

— Он вам нравился?

— Очень.

— А вы ему?

Атаулина вскинула черные брови.

— Что вы под этим подразумеваете?

— Как он относился к женскому полу?

— Как всякий нормальный мужчина, — повела продавщица плечом. — Поглядывал.

— А на вас?

— Не замечала, — недоуменно ответила Ильмира.

— А кто из женщин вашего коллектива был с ним близок?

— Я не слежу за чужими мужьями и женами, — мягко возразила Атаулина.

Майор обескураживающе улыбнулся:

— Я понимаю всю щекотливость этого вопроса, поэтому давайте-ка пока оставим его в покое и перейдем к обсуждению следующей темы. Итак, расскажите, как закончился вчерашний рабочий день в магазине и как вы провели вечер?

Ильмира немного помолчала, восстанавливая в памяти события предыдущего дня, потом начала свой рассказ:

— Вчера, как обычно, я закончила работу в девятнадцать часов. До девятнадцати тридцати вместе с другими продавцами сдавала товар завскладом. Обычно этим занимается Нечаев, но вчера принимал Фефелев. Я думаю, вы уже знаете, по какой причине. В девятнадцать тридцать пришел охранник. Я с двумя продавцами и кассиром вышла на улицу и стала ждать Фефелева. Он появился минут через пятнадцать, охранник закрыл за ним двери, и мы все вместе по-

ехали на вечеринку.

— Вас было пять человек, — прикинул Хвостов, — плюс охранник — шесть, его сменщик семь. Нечаев восемь... Где еще двое?

— Когда мы приехали к Нечаеву, а точнее к его невесте домой, директор был уже там, ну, а бухгалтер пришла позже.

Хвостов заволновался, словно гончая, почуявшая след.

— В котором часу?

— Часов в девять вечера, может быть, позже. Точно не помню, но вечеринка была уже в разгаре.

Майор прочно «взял след» и помчался по нему, высунув язык.

— А где бухгалтер задержалась, она не говорила?

— Нет.

— В котором часу она ушла из магазина?

— Минут за сорок до закрытия.

— Вы точно помните время?

— Да. Она сказала, будто уже восемнадцать двадцать, ей пора, помахала рукой и пообещала, что увидимся на вечеринке.

— Вы с ней дружите?

— Можно сказать, и так...

Хвостов решил, что вопросов для первой беседы он задал достаточно.

— И последнее, — прохрустел он. — Вы точно видели, что бухгалтер ушла из магазина?

— Ну, вот еще, — обиделась продавщица. — У меня товара на десятки тысяч да покупатели шныряют... «Покажите мне то, покажите это». Нет у меня времени следить за тем, кто куда пошел.

— И на том спасибо! — Хвостов придвинул к Атаулиной лист бумаги и ручку. — Мы с Женей на несколько минут выйдем, а вы посидите тут и подробно напишите обо всем, что нам сейчас рассказали.

В тесном узком коридоре, освещенном голой лампочкой, Хвостов спросил:

— Ну, и что ты о ней думаешь?

Помощник пожал плечами.

— На соблазнительницу вроде не похожа.

— Вот и я того же мнения, — согласился майор. — Давай-ка, лейтенант, найди еще одно помещение и веди туда бухгалтера.

— Ее нет на работе.

— Да-а?! — протянул майор. — И где же она?

— Дома, наверное. Иногда работники магазина по очереди берут выходной день. Сегодня отдыхает бухгалтер.

— Еще кого нет?

— Кроме нее — сменщика охранника, директора, Нечаева и третьего продавца.

Хвостов стал загибать пальцы.

— С Нечаевым все ясно, у него медовый месяц. Сменщик придет вечером. Бухгалтер отдыхает... Где директор и про-

давец?

Женя дождался, когда мимо него протиснется Фефелев и скроется в туалете, потом ответил:

— Продавец болен. Он позвонил утром и предупредил, что на работу не придет... А вот где директор, никто не знает. Звонили к нему домой, жена Кадамова сообщила, что дома он не ночевал, вчера предупредил ее, что останется у Нечаевых, а утром уже позвонил якобы с работы... Да перепили они вчера все, товарищ майор, — вдруг произнес Женя так, будто успокаивал чем-то расстроенного начальника. — А сегодня «отходняк» ловят.

Раздумывая, Хвостов машинально ответил:

— Очень даже может быть... В общем, так, лейтенант, я побуду здесь, поговорю с оставшимися свидетелями да похожу по магазинам, возможно, кто-то что-то и видел. А ты узнай адрес этой дамочки, возьми машину и дуй к ней. Постарайся расположить ее к себе. Узнай, где вчера была, что делала. Сообщи ей о преступлении неожиданно и последи за ее реакцией, может быть, чем-нибудь да выдаст себя?

— Ясно, Борис Егорович.

Похлопав помощника по плечу, Хвостов легонько подтолкнул его к выходу:

— И максимум обаяния, Женя! — А когда Селиванов уже собрался переступить порог, он вдруг вспомнил и громко сказал: — Да, к сменщику охранника заскочи, может, тот подскажет, как преступник попал в магазин, а заодно его

алиби проверь!

ГЛАВА 2

Весна в этом году выдалась затяжная. Дождливые дни перемежались с погожими, впрочем, последних было крайне мало. И вдруг вчера наступило самое настоящее лето. Весь город, как по команде, перешел на летнюю форму одежды за исключением нерадивых, которые по утрам все еще выходили из дому в свитерах и пиджаках, но к полудню жаркое солнце приказывало раздеться и им.

Женя прел в кителе, и Алик сжалился над ним — завез его домой переодеться. Теперь в «гражданке» Селиванов чувствовал себя легко и свободно.

Свернув с центральной дороги, старенький полицейский «уазик» выехал к окраине жилого массива. Алик и Женя вылезли из машины и долго изучали когда-то красочно оформленный, а ныне облупленный и выгоревший план массива, выполненный на огромном листе жести. Нужный дом оказался рядышком. Тяжело урча, «уазик» потащился вверх по довольно-таки крутому склону.

Четырехэтажные дома и кое-где попадавшиеся девятиэтажки стояли здесь уступом. Возле каждого дома, как и положено, — примитивная детская площадка и площадка, рассчитанная для стоянки трех автомобилей. Нужный им дом был девятиэтажным.

«Уазик» лихо взобрался на железобетонный мостик, пе-

реброшенный через канаву, прогромыхал по булыжникам, затем вырулил на асфальт и, заложив крутой вираж, встал как вкопанный на стоянке рядом с новеньким «Опелем».

— На осле и то мягче ехать, — проворчал Женя, вылезая из машины и потирая бока.

— Вот в следующий раз на нем и поедешь, — обиделся Алик за своего стального коня.

Женя покачал головой:

— Ну уж нет. На твоей колымаге все-таки предпочтительнее. Ладно, Алик, скоро буду.

— Можешь не торопиться, — водитель удобнее расположился на сиденье с газетой. — Я пока кроссворд поразгадываю.

Упругой размашистой походкой Селиванов направился к дому.

«Девять этажей, по две квартиры на каждом, — прикинул он, войдя в подъезд. — Всего двадцать семь. В каждой квартире в среднем по три человека — итого семьдесят один. Здорово же они подъезд загадили! В трущобах и то опрятнее. Бедный лифт!»

Женя вошел в кабину и начал подниматься на пятый этаж, где, по его расчетам, должна была находиться квартира бухгалтера магазина. Так и есть. На железной двери слева нужный номер. Селиванов нажал на кнопку звонка.

Где-то что-то загрохотало, слышались шаги, однако открывать не спешили. Женя еще раз позвонил. Наконец кто-

то подошел к двери и надолго приник к «глазку».

Лейтенант достал «корочки» и помахал ими перед круглым стеклышком.

— Уголовный розыск, господа! — сказал он громко. — Откройте, пожалуйста!

Обитатель квартиры некоторое время колебался, но потом дверь все же приоткрылась и в образовавшейся щели возникла взлохмаченная белокурая головка с крупными, чуть навывкате глазами, круглыми щечками и пухлыми губами. Макияж на вышеперечисленных чертах лица дамочки был изрядно подпорчен.

«То ли плакала, то ли стирала», — подумал Женя и, вложив в голос и мимику максимум обаяния, произнес:

— Я, кажется, не вовремя?

Оценивающий взгляд дамочки говорил о том, что молодой человек пришелся ей по душе.

— Полиция вовремя никогда не приходит: либо появляется некстати, либо заявляется к шапочному разбору, — произнесла она с иронией. — Вам кого?

— Ларионову Людмилу Дмитриевну. Это вы?

— Ну, я. Что-нибудь случилось? — вдруг всполошилась бухгалтер.

Помня о факторе неожиданности, Селиванов решил уклониться от прямого ответа. «Протяну время, а потом как кирпичом по голове», — подумал он и произнес:

— Может быть, я войду? В доме и побеседуем.

— Ну, конечно! — спохватилась Людмила и распахнула дверь. — Проходите, пожалуйста!

Ба! На молодой женщине была надета то ли длинная трикотажная майка, то ли до неприличия короткое платье. Однако как бы эта одежда ни называлась, она до такой степени оголяла крепкие, чуть коротковатые ноги бухгалтера, что Женя почувствовал себя неловко. Ханжой он не был, но на месте Ларионовой никогда бы не открыл двери незнакомому мужчине в таком наряде. Сама же хозяйка квартиры никакого смущения, похоже, не испытывала. Она выжидающе, с какой-то бесшабашной удалью снизу вверх смотрела на Селиванова.

Женя ступил в прихожую, причудливо освещенную светом, который пропускали витражи, установленные в двух дверях, ведущих в боковую комнату и зал.

— Я Селиванов Евгений Кимович, — представился лейтенант, убирая в карман удостоверение. — Вы одна дома?

Ларионова на секунду дольше, чем следовало бы, задержалась с ответом.

— Одна. Что же все-таки произошло?

— Магазин «Бриллиант» сегодня ночью ограбили. Охранник убит, — брякнул Селиванов и прямо-таки впился цепким взглядом в лицо Ларионовой.

Если бы бухгалтеру «Бриллианта» было лет шестьдесят и она страдала сердечной болезнью, то ее непременнохватила бы кондрашка. Но Ларионова была молода, здорова, свежа и,

как яблочко наливное, румяна — она выдержала. Лишь ойкнула и схватилась рукой за грудь, напоминавшую по форме слегка спущенный гандбольный мяч.

— Володя убит?! — вырвался у Людмилы сдавленный крик.

Как ни вглядывался Женя в лицо женщины, ничего необычного он заметить не мог.

«Ей либо работать в театре, либо она действительно ни в чем не виновата, — промелькнула у него мысль. — Впрочем, быть может, бухгалтер является соучастницей преступления, скажем, наводчицей и об убийстве ей пока ничего не известно».

— Убит, — эхом отозвался лейтенант. Ему вдруг показалось, что молодая женщина сейчас упадет в обморок. Он предупредительно поддержал ее под локоть.

— Кто это сделал? — проронила она.

— А вот это, Людмила Дмитриевна, я как раз и хочу выяснить. Пройдемте в комнату.

Женя открыл одну из дверей. Это была небольшая гостиная с расставленной в ней мебелью с претензией на оригинальность. Нет, конечно же, старомодная «стенка», как и положено, стояла у стены, телевизор в углу, а люстра висела на потолке, но вот массивный, обитый кожей «уголок» был сдвинут на середину гостиной, отчего места как перед «уголком», так и за ним едва хватало для того, чтобы человек мог протиснуться в кухню или лоджию.

Все так же бережно поддерживая Ларионову под руку, Женя ввел ее в комнату. Под потолком висел сизый табачный дым, у одного из диванчиков стоял столик на колесиках, на нем объедки, огрызки, окурки в пепельнице, недопитая бутылка коньяку и рюмки с остатками вышеназванного напитка.

Бухгалтер смутилась.

— Извините, — пробормотала она и оттолкнула ногой столик, освобождая пространство, причем сделала это так неудачно, что стоявшая на столе посуда зазвенела, а одна рюмка опрокинулась, выплеснув остатки темной жидкости прямо на пепельницу с окурками.

Только сейчас Женя сообразил, что бухгалтер навеселе, но тщательно скрывает это, а потому движения у нее напряженные и нетвердые.

Он бережно усадил Ларионову на диван, отчего макси-майка — мини-платье укоротилось еще на добрую четверть, и сразу стало ясно, что под сим одеянием у бухгалтера больше ничего нет.

— Сигарету, пожалуйста, — жалобно, с какими-то ужимками попросила хозяйка квартиры и без сил откинулась на спинке дивана.

Женя взял со стола сигареты, зажигалку, а из серванта достал чистую пепельницу и подал Ларионовой. Помог прикурить.

— Когда, Людмила Дмитриевна, вы вчера ушли из мага-

зина? — спросил он, усаживаясь рядом с женщиной, но на короткую сторону «уголка».

Ларионова выпустила в потолок тонкую струйку дыма.

— В восемнадцать двадцать. Я об этом еще Ильмире сказала. — Она стала приходить в себя, бледность на лице исчезла, голос окреп.

«Все-таки актриса и, кажется, неплохая», — почему-то заключил Женя.

— Покинули вы магазин раньше всех, а вот на свадьбу к Нечаеву пришли последней. Где вы были?

— А вы неплохо осведомлены, — Ларионова показала ровные зубки. — Меня подозреваете?

— Не более чем остальных работников «Бриллианта». Так где же вы задержались?

— Ходила в парикмахерскую. В этом нет ничего необычного.

— Я тоже так думаю. Вас там запомнили?

— Конечно! — Ларионова изобразила на лице недоумение. — У любой женщины есть «свой» мастер.

— Когда вы пришли в парикмахерскую?

— Мне назначили к двадцати ноль-ноль, но я пришла немного раньше.

— Не поздновато?

— Там работают до двадцати двух.

— Адрес и телефон назвать можете?

— Здесь недалеко. Второй жилгородок, рядом с магази-

ном, а телефон я вам сейчас скажу. — Ларионова отставила пепельницу на диван, поднялась, взяла с журнального столика телефонную книжку и, полистав ее, продиктовала цифры, которые Женя тут же записал в своем блокноте.

— Фамилия и имя парикмахера?

— Зовут Лариса, а вот фамилии не знаю. Светленькая такая. — Ларионова вновь села, на сей раз предварительно потянув подол майки-платья книзу.

— Из магазина вы ушли в восемнадцать двадцать, в парикмахерской были около двадцати часов. На что же вы потратили полтора часа?

Оборот, употребленный полицейским, почему-то разве-селил женщину. Она стрельнула в него глазами и хихикнула:

— Полтора часа я потратила на то, чтобы приехать домой, принять душ, переодеться и подкраситься.

— Подтвердить это, конечно, никто не может?

— Конечно, нет! — бухгалтер закинула ногу на ногу и беспечно заболтала тапочкой. — Вы же, наверное, знаете — одинокая я, незамужняя... бедная я, бедная...

— Соседи?

— Их я никого не видела.

Говорила бухгалтер обволакивающим голосом, смотрела вызывающе-иронично. В нерабочее время Женя с удовольствием пофлиртовал бы с ней и остался на часок-другой. Кажется, и хозяйка не против...

— А в котором часу вы ушли со свадьбы?

— Я не смотрела на часы, но думаю, в двадцать три тридцать.

— Отправились домой?

— Разумеется.

— И никуда из дому не отлучались?

Ларионова сказала, что нет, и — черт возьми! — Селиванову показалось, будто дамочка подмигнула ему.

— Подтвердить это опять никто не может? — он тарасился на хозяйку, пытаюсь понять, привиделось ли ему игривое движение ее век или нет, но та, как ни в чем не бывало, моргала своими выпуклыми глазами, и Женя решил, что почувдилось.

— Не может, — подтвердила Ларионова.

— А это? — Женя кивнул на столик с грязной посудой.
— Ночью вы явно пировали не одна.

Женщина смутилась, но быстро справилась с собой и выдала очаровательную улыбку.

— Женечка, — проворковала она, — неужели вы всерьез думаете, что это я убила охранника и ограбила «Бриллиант»?

Жене не раз за свою недолгую полицейскую карьеру приходилось слышать подобные слова. В них звучали и горечь, и обида, и негодование, и сарказм, но чтобы их произносили таким тоном, каким хотят соблазнить, — никогда. Селиванов потянул за тугой воротничок своей рубашки.

— Я, Людмила Дмитриевна... — произнес он сдавленно.

Однако фразу Селиванов закончить не успел. Его прервал истошный крик, который заставил Женю вскочить, обернуться и принять боевую стойку. Кричал возникший в дверях, ведущих в смежную комнату, крупный мужчина лет тридцати пяти. Из одежды на нем были только трусы. Темные густые волосы всклокочены и торчали надо лбом, как козырек кепки. Квадратное с орлиным профилем лицо выражало ужас. Пьяный ужас, поскольку мужчина нетвердо стоял на ногах.

— Ты сказала, «Бриллиант» ограблен?! — безумно вращая глазами, закричал он.

— Да, — пролепетала бухгалтер. — Мне об этом полицейский сообщил.

Только сейчас странный мужчина удостоил Селиванова взглядом.

— Это правда? — раненым медведем взревел он.

— Правда. — Продолжая стоять в боевой стойке, Селиванов обернулся к Ларионовой и укоризненно покачал головой: — А вы, Людмила Дмитриевна, плакались, что не замужем...

— Да какой там муж! — рявкнул мужчина. — Я директор «Бриллианта». Кадамов Олег Вениаминович.

— Ага! — злорадно произнес Женя и опустил кулаки. — Вот вас-то мне как раз и нужно!

— Так что же все-таки произошло? Объяснит мне кто-нибудь? — все так же громко, словно вокруг были глухие,

спросил директор.

Похоже, время у Ларионовой на ближайший вечер уже расписано. С оскорбленным видом Женя ответил:

— Но вы же не собираетесь беседовать со мной в таком виде?

— Простите, — пробормотал Кадамов и заметался по квартире. Брюки и рубашку он нашел в лоджии, носки под диваном. Схватив одежду, хозяин «Бриллианта» скрылся в спальне. Оттуда время от времени на разные лады доносились его выкрики: — Черт возьми! Ч-черт возьми! — Наконец, застегивая на ходу манжеты рубашки, он подошел к столику, налил рюмку коньяку и одним глотком осушил ее. Потом с сигаретой в зубах плюхнулся на диван и устался на Селиванова. — Рассказывайте!

Директор вызывал у Жени антипатию. Скрывая неприязнь, он сообщил:

— Охранник убит, магазин ограблен.

Кадамов хлопнул себя по ляжкам и воздел руки.

— Черт возьми! Ч-черт возьми! Володя убит!.. Магазин ограблен!.. Хамство! Какое хамство!.. Много взяли?

— Много. Все самое ценное.

То ли от волнения, а может быть, с перепоею директора была крупная дрожь. Он осушил еще одну рюмку и вновь хлопнул себя по ногам.

— Черт, черт, черт! — Он напоминал большую курицу, которая, хлопая крыльями, пытается взлететь с насеста. —

Я разорен!.. Ограблен!.. Нищий! Ни-ищий!..

На «старые дрожжи» директора развозило прямо на глазах. Женя встал и под одобрительным взглядом сидевшей между ним и Кадамовым бухгалтера взял бутылку коньяку и спрятал ее за спинку дивана. Бесцеремонные действия полицейского рассердили директора.

— Что вы себе позволяете? — воскликнул он возмущенно.

— У нас серьезный разговор, — окатил Женя Кадамова ушатом холодной воды. — И ваши показания нам сегодня еще пригодятся.

Фаза возбуждения прошла, наступило торможение. Директор как-то сразу сник, обмяк и превратился в бесформенную рыхлую глыбу. Очевидно, он вдруг осознал всю глубину свалившегося на его голову несчастья.

— Спрашивайте, — уже другим тоном глухо произнес он. — Чем могу, я постараюсь помочь.

— Вот и отлично, — унимая раздражение, сказал Женя. — Когда вы вчера ушли с работы?

Одурманенный коньяком мозг директора работал отвратительно. Заговорил Кадамов медленно, с перебоями:

— Э... Ушел я с работы после обеда... Поехал это... в налоговую инспекцию. Гм-гм... Потом домой... Переоделся... На работу э-э... ехать было уже бессмысленно. Кхе-кхе... Поздно... Ну, я и отправился к Нечаеву на свадьбу... А признайтесь, командир, — Кадамов прищурил один глаз, будто

разглядывал Селиванова в монокль, — украденное мне вернут?

— Если найдем, вернем обязательно, — чтобы обещание прозвучало убедительно, Женя произнес его басом. — В каком часу вы ушли от Нечаева?

Кадамов забыл про сигарету, он махнул рукой так, что столбик пепла упал на ковер.

— А черт его знает! — проговорил он развязно. — Что, я записи веду?

Косившаяся на сигарету Ларионова наконец не выдержала.

— Ковер сожжешь! — буркнула она, отобрала у Кадамова сигарету и потушила ее в пепельнице. Потом незаметно толкнула директора в бок. — Неужели ты не понимаешь, Олег, — растолковывая, произнесла бухгалтер, — что произошло убийство и ограбление в твоём, между прочим, магазине и инспектор проверяет алиби... Ну-ка вспомни, о чём мы с тобой договаривались, перед тем как я ушла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.